



"Логика выбора"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Данил Корецкий

Логика выбора

Вода была теплой, песок горячим, а воздух раскаленным, и я почти совсем высох, пока пробирался между перебрасывающимися мячом коричневыми девушками в купальниках. Одежда лежала так же, как я ее оставил, а портфель — черный, богатого вида «дипломат» — исчез. Я опустил на красный пластиковый лежак и закрыл глаза. Если бы похититель смог удержать «дипломат» у себя да еще сумел бы его открыть...

Сосредоточиваться не хотелось: купание и солнце оказывали расслабляющее воздействие, и мне пришлось напрячься, преодолевая себя. Вор появился через пять минут — здоровенный парень с наглым лицом, на котором застыла гримаса испуга. Он не понимал, что с ним происходит, почему он вернулся, но инстинкт и прошлый опыт подсказывали: ничего хорошего ждать здесь не приходится.

Когда он поставил портфель и я его отпустил, он на секунду замешкался, ошалело тряс головой, а потом сорвался с места и, опрокидывая ничего не понимающих людей, бросился бежать.

— Чего это он? — удивился сосед справа, средних лет мужчина с могучим торсом. — Псих, что ли?

— Скорее всего, — у меня было еще много свободного времени, и я, установив тент, задремал в тени.

— Еще одно загадочное похищение! — пронзительный мальчишеский голос вернул меня к действительности. — Бесследно пропал из своей квартиры профессор Кристопер! Кто следующий?!

Я купил газету. Первая полоса пестрела броскими заголовками: «Зловещая загадка века!», «Куда исчезают известные ученые?», «Кому выгодна утечка мозгов?».

— Что вы думаете по этому поводу? — сосед уже несколько минут заглядывал мне через плечо и наконец не выдержал.

— Что тут думать? Как всегда, одни враки, чтобы поднять тираж.

— Вот как? — он облизнул сухие губы. — А куда же, по-вашему, делся Кристопер?

— Мало ли! Отправился с любовницей в Роганду или растратил казенные деньги, купил паспорт и живет припеваючи под чужой фамилией, а может...

— Бросьте, бросьте! — собеседник протестующе поднял руку. — А остальные? Два физика, генетик, молекулярный биолог, химик, да вот здесь список, — он ткнул пальцем в страницу. — Двадцать шесть человек! Они что, тоже в Роганде? Может, у них у всех любовная лихорадка?

— Ну, этого я не знаю. В мире ежедневно происходит столько событий, что если сделать выборку по совпадающим признакам, у нас появится не меньше сотни необъяснимых загадок.

— Вот именно, — вмешался сосед слева, рыжий толстяк, кожа которого обгорела до шелушения, — обычное совпадение, на которое не стоило бы обращать внимания, да оно оказалось кое-кому на руку. Как же, наживка для дураков! Заглотнул — и пережевывай, а все

остальное само собой отойдет на задний план! Вот смотрите, — он выхватил у меня газету, — на последней странице мелким шрифтом, скромно: «Сообщение государственного астрономического общества. Необычная насыщенность небосвода звездами пока еще не объяснена, но никакой опасности это явление представлять не может...»

Толстяк сардонически захохотал:

— И это после месячной истерии про дурное предзнаменование, вселенскую катастрофу, конец света! Ясное дело — правительственный запрет! Чтобы отвлечь людей, сфабриковали сенсацию: исчезновение знаменитых ученых! А те, небось, сейчас на министерских дачах!

— Не знаю, не знаю, — покачал головой сосед справа. — Только вот что, — он наклонился поближе и понизил голос. — На моей улице тоже пропали двое — муж и жена. Про них-то понятно, в газетах не пишут: люди маленькие, никому не интересные, не то, что Кристофер! Но мы, соседи, знаем: жили — и нет их, а дом не заперт, и вещи все на местах. Что вы на это скажете?

— А то, что мне наплевать! — брызнул слюной толстяк. — Я хочу знать: почему на этом чертовом небе появилась такая уйма этих чертовых звезд?! И самое главное, что меня интересует: буду я жить или сыграю в ящик?! Кто может мне ответить?!

Единственным человеком, который знал ответ, был я. Единственным, во всяком случае, в этом полушарии. По повышенной аффектации и надрыву в голосе чувствовалось, что толстяк пьян. Он смотрел жалкими глазами и явно ждал утешения. Его не волновала судьба цивилизации, да и вообще ничто, кроме собственной шкуры. Свинья. Терпеть не могу животных в человеческом обличье, и мне совершенно не хотелось его утешать. Да и вряд ли бы мой ответ его утешил.

— Обратитесь в астрономическое общество, — посоветовал я, собирая вещи,

— и меньше пейте в жару, тогда не будет мерещиться всякое...

Горик на связь не явился, и хотя это могло означать только одно, думать о худшем не хотелось. Я два часа ждал его в кафе, потягивая зеленую лему — отвратительное пойло, к которому за два года так и не смог привыкнуть. Здесь меня и нашла Клайда. На этот раз она играла роль брошенной жены — скорбная, поникшая, в глазах тоска.

— Куда ты пропал? — убито произнесла она. — Я измучилась, потеряла покой... А тут еще эти звезды... Я три ночи не сплю, схожу с ума...

Даже сейчас мне было приятно на нее смотреть, низкий чувственный голос обволакивал сознание и трогал затаенные в глубине души струнки, вызывая щемящую тоску.

— ...Ты же знаешь, как я тебя люблю, мне никто не нужен, я не могу жить без тебя...

Будь это правдой, все обстояло бы по-другому. Легче бы переносилась оторванность от дома, иссушающие мозг нагрузки, колоссальное нервное напряжение каждого дня... И дела бы мне не было до многочисленных ищеек, филеров, агентов, сыщиков разных мастей, и Специального Бюро в целом. Я бы мог продуктивнее работать, и прошла бы эта изнуряющая усталость, да и энергетический ресурс организма не снизился бы до предела... Но она лгала. Как всегда умело и изощренно.

— ...Если бы ты знал, что у меня на душе, о чем я думаю...

Ну что ж!

— О Камтнаыфе. Устроит ли он тебе участок для домика в центре безмолвной рощи, как обещал. И хватит ли ему того, что уже получил, или надо будет еще доплатить деньгами, — я никогда не видел Клайду растерянной, и сейчас, глядя, как меняется ее лицо, обрадовался нахлынувшей злости, стирающей ненужные чувства. — Эта мысль не на переднем плане, но по значимости превосходит остальные. Так что не надо, милая, все уже обговорено раз и навсегда!

Я выдержал паузу, понаблюдал, как она сменила амплуа, надев маску оскорбленной невинности, и вышел на улицу.

Душно, люди вокруг нервные и взвинченные, много пьяных. Ужасен вид пылающего мириадами огней неба. Самочувствие отвратительное, и что самое скверное — нет уверенности в себе.

Поведение Тобольгана в предстоящей ситуации моделировалось компьютерами по всем правилам теории игр. Следовало, как обычно, нащупать варианты, дающие положительный эффект при любом, даже самом неблагоприятном раскладе. Но сделать этого не удалось. Все зависело от меня, а я совершенно не готов к разговору.

Тобольган жил в старом многоквартирном доме, и, поднимаясь по пахнущей кошками лестнице, я вспомнил те веселенькие коттеджи, которые строили в живописных местах оборотистые дельцы.

Перед высокой резной дверью с облупившейся краской я на секунду остановился и попытался настроиться нужным образом, на миг даже показалось, что это удалось. Звонок тренькнул едва слышно, и тут же щелкнул замок. В дверном проеме стоял крупнейший философ планеты, специалист по логическим системам, автор сотен статей, десятков монографий и фундаментальных учебников, основоположник официально признанной доктрины о принципах этической допустимости. Маленький лысый человечек с нездоровым лицом обезьянки в мешковатом, не очень свежем домашнем халате.

Часто встречающееся несоответствие облика масштабу внутреннего мира творца всегда меня поражало, но сейчас поразило другое: Тобольган знал, кто я и зачем пришел.

— Вот вы какие, — медленно проговорил он, внимательно рассматривая меня холодным, пронизывающим взглядом. — Внешность истинная или результат трансформации?

Держался Тобольган очень уверенно и чувствовал себя хозяином положения: в кармане он тискал маленький, но достаточно мощный пистолет, из которого собирался, когда подойдет момент, выстрелить себе в голову.

— Что с вами? Неужели нервы? Не ожидал! Я представлял пришельцев начисто лишенными эмоций!

Пот у меня на лбу выступил от напряжения: удалив патрон из патронника, я так и не смог разрядить обойму. В подобном состоянии не следовало сюда приходить — дело могло принять скверный оборот.

— И неправильно, — хорошо хоть голос оставался спокойным. — Эмоции у нас обычные. Можно войти?

Тобольган отступил в сторону. Любопытство в нем пересиливало страх. В первую очередь он оставался ученым, исследователем.

— И в другом вы ошибаетесь, — стараясь держаться как можно непринужденнее, я сел в кресло. — Нет у нас ни захватнических планов, ни своекорыстных устремлений. Про «мозговые лагерь» тоже чушь. Если бы не эта звездная чехарда, мы бы вообще не появились — тут вы правы.

— Однако! Вы читаете мысли? Впрочем, чему удивляться — высшая цивилизация! — я и не подозревал, что великий Тобольган так пропитан сарказмом. — Это трудно?

— Не очень, но требует колоссальных затрат нервной энергии. И, по моральным соображениям, допустимо только в строго ограниченном числе случаев.

— Сейчас как раз такой случай? — съязвил Тобольган.

— Да. Но чтобы вас это не угнетало, я предоставлю вам возможность заглянуть и под мою черепную коробку. Тогда вы быстрее все поймете и поверите наконец, что никто не собирается вас похищать. И, может быть, оставите в покое свой пистолет.

Когда я окончил телепатическую передачу, то ощутил, что иссяк окончательно. Тобольган сидел молча, не открывая глаз. Предстояло переварить очень многое, но раз он сумел «вычислить» даже мой приход, значит, подготовлен больше других и ему будет легче.

— Как называется _это_? — последнее слово он выделил.

— Сближение галактик. Они соприкоснутся чуть-чуть: периферийные спирали пройдут друг сквозь друга... К сожалению, ваша звездная система попадает в зону контакта...

— А есть вероятность, что Навоя не пострадает?

— Ну... Если при прохождении не произойдет прямых столкновений звезд и планет, если гравитационные возмущения не поломают орбиты и не сорвут атмосферу, если... Словом, вероятность около трех процентов.

— Шансов практически нет, — Тобольган не оставлял места иллюзиям. — Значит... Сколько времени у нас в запасе?

— Это определяется многими факторами. От трех до пяти лет, может, чуть больше.

— И тут вмешиваетесь вы... Идея сама по себе прекрасна... Вы подыскали подходящую звездную систему и прекрасную планету, так сказать, Навою-2, все очень благородно... Но есть одна маленькая загвоздка, — Тобольган поднял указательный палец. — Сколько человек вы успеете эвакуировать?

— Около пятидесяти тысяч, — я уже понял, куда он клонит.

— Всего-то?! Но население Навои составляет полтора миллиарда!

— Лучше спасти часть, чем потерять целое, — я говорил уверенно, как будто этот вопрос не был самым больным в навойской проблеме.

— Несомненно. Но как отобрать эту самую часть?

— Пропорционально численности отдельных групп населения, чтобы сохранить социальную структуру общества...

Вот сейчас и начнется самое главное.

— Какого общества? — Тобольган привстал, и нос у него хищно зашевелился.

— Не понимаю, — я постарался произнести это как можно естественнее.

— Сейчас поймете! — он встал и заходил по комнате. — Почему вы пришли за мной? Тут неподалеку живет мой коллега Мэйзон. Он — бездарность, тупица, его «труды» — сплошная компиляция, даже плагиат, но он не меньше меня хочет жить. К тому же у него жена и трое детей... Кстати, ваши благодеяния распространяются на близких? Вот видите! А я одинок! Почему же вы хотите сохранить пропорции социальной структуры за счет этого бедняги?

— Вы знаете, что никто на Навое не может объяснить «феномен звездного неба»? — я перешел в контратаку. — Потому что астрономия находится в зачаточном состоянии, об астрофизике и космогонии вы вообще не имеете понятия. В свое время Акоф начинал работу в этом направлении, но его объявили шарлатаном, бездарностью, лжеученым! А кто объявил? Шарлатаны, бездарности и лжеученые, занимающие в науке ключевые посты! На Навое-2 такое не должно повторяться!

— Вот и ответ, — печально улыбнулся Тобольган. — Вы ставите целью не спасение навойской цивилизации, а создание новой. Улучшенной модели...

— А это плохо?

Он помолчал, наморщив огромный и без того морщинистый лоб.

— Что же... Скажите, а там, у себя, вы уже преодолели все трудности, достигли вершин мудрости и знаете, какой должна быть Навоя-2?

— Как вам сказать... Проблем хватает. И до вершин далеко: ведь с каждой достигнутой открывается следующая, еще более высокая. Но надо ли обладать абсолютom знаний, чтобы выбирать — дать сгореть разумной жизни или пересадить ее в безопасное место?

— Весь вопрос — как «пересадить»? Из ничтожной части кирпичей разрушаемого дома нельзя выстроить точно такое же здание! В лучшем случае — уменьшенную копию!

— Человеческое общество в отличие от неживой природы способно к разумному воспроизводству...

— А у вас есть право определять пути его развития?

— Боюсь, что нет, — мне не хотелось тягаться с автором известных философских концепций, но выбора не было. — Однако не всегда правильное решение — панацея. Безукоризненные построения могут быть полностью нежизнеспособными. У нас есть притча про осла, который, оказавшись между одинаковыми стогами сена, логично обдумывал, с какого начать. Бедняга умер от голода! Извините за мрачную аллегория, но, надеюсь, вы не хотите, чтобы Навою постигла та же судьба?

— Гм! Осел между равными стогами сена... И, разумеется, на одинаковом расстоянии... Интересно! Здесь, конечно, есть изъян, и сейчас я его найду.

— Можно только удивляться скорости, с которой переключался ход мыслей Тобольгана. Он оживился, порозовел, схватил карандаш и полез было за бумагой, но сработало какое-то невидимое реле, и он пришел в себя. — Ладно, потом... — он махнул рукой. — Но вы подменили тезис! Бесспорно, цель у вас самая благородная, глупо спорить! Но каковы средства? Вы соберете талантливых ученых и создадите элитарное общество! Впрочем, здесь есть еще объективный критерий — чины, степени, звания в расчет принимать нельзя, но остаются способности, труды, достижения. А как быть с так называемыми «простыми людьми»? Рабочими, крестьянами, плотниками?

— Здесь тоже есть критерии. Общечеловеческие. Честность, порядочность...

— Это довольно расплывчатые понятия, к тому же они постоянно меняются. Но, предположим, что вы выбрали именно их. Почему? Должна же быть какая-то логика отбора?

— Вы замечали, что благородные люди уязвимее трусов и приспособленцев? Ну-ка, ответьте: кто скорее бросится в пожар спасать ребенка или уступит место женщине в последней шлюпке? Вот то-то и оно! По-вашему, это логично? А на мой взгляд — жесточайшая несправедливость! Естественный отбор наоборот! Кому он на руку? Дуракам и иждивенцам, подлецам и мерзавцам! Лично мне не нравится, когда торжествуют такие особи. Логика выбора в том и состоит, чтобы поправить порочную закономерность!

— А вы не задумывались, что если бы не способность к самопожертвованию, то герой ничем бы не отличался от труса? Лишить его этого свойства — значит, уничтожить и нравственное превосходство!

— Станный взгляд на вещи.

— Отнюдь. Просто с другой стороны. И это естественно: любая жизненная позиция имеет две грани. Вопрос в том, какую выбрать.

— Мы снова вернулись к логике выбора?

— Не только. Скажите, кто принимает окончательное решение об эвакуации конкретного навойца?

— К сожалению, я.

— Вот даже как? — Тобольган развел руками. — Единолично?

Я промолчал. Он умел находить самые уязвимые точки.

— Не слишком ли велика ответственность? И не боитесь ли вы ошибиться? Ведь, как мы только что выяснили, четких представлений о том, кого спасать, а кого оставлять на погибель, у вас нет.

Да, в таком состоянии не следовало сюда приходить. Впрочем, будь я и в отличной форме, я бы не смог переиграть Тобольгана. Мы оба правы, каждый по-своему. И с точки зрения логики он прав более, чем я. У нас в Совете тоже были головы, считающие, что этичнее оставаться в стороне: в конце концов мы не отвечаем за космические катаклизмы, а за вмешательство в развитие чужой цивилизации отвечать придется. Хотя бы перед собой. Но я не признаю такой логики. Да и остальные участники операции тоже. Скорее меня смущала другая логика — тех, кто требовал, чтобы Навоя была осведомлена о предстоящем и чтобы наши планеты вместе искали выход...

— Значит, вы отказываетесь? — на этот раз мой голос был хриплым и усталым.

— А что будет, если откажусь? — Тобольган снова сунул руку в карман.

— Ничего. Я встану и уйду. А вы забудете, о чем мы говорили.

— Забуду? Это унижительно. И задачку жаль... Впрочем, что с нами церемониться? Вы же сверхсущество, эмиссар, уполномоченный решать судьбы людей и планет! Вы не знаете сомнений, вы непогрешимы, так что...

— Я бы с удовольствием поменялся с вами местами, — этого, конечно, уже говорить не следовало, но я не мог сдержаться, — брюзжал бы, задавал логические задачки, считал себя добрым и справедливым, легко становился в позу обиженного, сам себя жалел и успокаивал. Но приходится заниматься другим. На Навое нас высадило двадцать человек — добровольцы, по десятку на континент. Вопросами, которыми вы меня сегодня кололи, нас исхлестали еще на родине, и здесь они мучили нас ежедневно и ежечасно. Но мы делали свое дело — чертовски трудную и неприятную работу, и кое-чего достигли! — я перевел дух. — Это не прошло незамеченным, у вас ведь много зорких служб — полиция общая и тайная, разведка, контрразведка, Специальное Бюро. Здесь моих товарищей приговаривали к смерти как шпионов Агрегации, а там — как ваших диверсантов! А после одного случая нас перестали арестовывать, просто как особо опасных расстреливали из засад! Сегодня я остался один! — я не заметил, как перешел на крик. — Я устал, измотался, докатился до того, что трачу нервный потенциал, чтобы лишний раз убедиться в лживости женщины, которую любил! За мной уже охотятся, а я, выжатый, как лимон, прихожу к вам и пытаюсь переубедить сильнейшего логика Навои! Вот вам отсутствие сомнений и непогрешимость! А сейчас я все это выбалтываю вам неизвестно почему!

Тобольган слушал внимательно и даже несколько растерянно.

— Так давайте поменяемся местами! Я сяду в мягкое кресло, откажусь смотреть на небо, а в минуты депрессии вспомню, что существует замечательный и простой выход из любых положений! — я швырнул в полированную пепельницу маленький, блестящий от смазки патрон с остроконечной пулей. — А что будете делать вы? Останетесь наблюдателем? Возьметесь заселять Навою-2 посредственностями и мерзавцами? Вообще ничего не будете делать?

Тобольган молчал.

— Но имейте в виду, в любом случае вас ждут жесточайшие сомнения, угрызения совести, временами даже презрение к себе! Вы зададите себе тысячу вопросов, на которые не сможете ответить! Вас будет сгибать бремя ответственности, боязнь ошибок и постоянное чувство неправомерности собственных действий! Но так работать нельзя, и вам останется только сжать зубы и поступать в соответствии со своими убеждениями! Чтобы потом мучиться до конца жизни...

Я встал и поднял портфель.

— Только, знаете, не стану я с вами меняться. У меня стресс, он пройдет. А я ненавижу чистоплюев, которые всегда правы, потому что стоят в стороне! И, честно говоря, не люблю железную логику! Потому и пошел в добровольцы, — я наклонился к Тобольгану и заглянул ему в глаза.

— Я вас жалею, — неожиданно сказал Тобольган. — Жалею. За то, что вы берете на себя право выбирать. И не оставляете права выбора за другими. Не даете им даже возможности знать, что

происходит.

— Вам предложили выбирать...

— Мне? И еще пятидесяти тысячам? Но речь идет о моем человечестве. О нашем человечестве. А ваши расчеты... Мораль нельзя просчитать. Этика в уравнения не укладывается. Перед вами стоит другой выбор. Быть сразу судьями, прокурорами и адвокатами — или людьми. Людьями! Это не логика, а нравственность.

— Что будет твориться на Навое?

— Твориться! Что это по сравнению с вычисленной вами судьбой планеты... Человек имеет право идти в будущее с открытыми глазами. Только тогда может быть найден выход.

— Был такой мудрец. Цицерон. Он сказал: полезное не может быть нравственно только потому, что оно полезно. Но нравственное — всегда полезно.

— Да. И еще раз — да. Вы — сильные, знающие. Мы — слабые. Но только вместе мы найдем выход. Не можем не найти. Я знал о поисках выхода. Идея силового барьера в пространстве, отгораживающего Навою... Идея транспортировки целой планеты... Идея пресловутой нуль-транспортировки для эвакуации всех навойцев... Самое время, чтобы эту транспортировку наконец открыть. Все предлагаемое было туманно и ненадежно. Но все-таки! Тобольган прав. Совет должен будет это признать.

— Я сообщу на свою планету.

— Все будет хорошо, вот увидите. — Тобольган меня утешал.

...Проснулся я бодрым и уверенным, хотя запас энергии полностью и не восстановился. Тобольган оказался отличным кулинаром, и мы с аппетитом позавтракали. Потом он долго мыл посуду, а я лежал в кресле, с закрытыми глазами, по очереди расслабляя мышцы. Завтра придет второй отряд добровольцев — сто пятьдесят человек. Теперь работать и жить будет веселее. И опасней.